

УДК 168.522: 821.161.1 (Гуманитарные науки. Культурология / Русская литература)

К ВОПРОСУ О РУССКОМ ШЕЛЛИНГИАНСТВЕ: ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТИУТОПИЯ Е.А. БАРАТЫНСКОГО

© 2024 Н.В. Патроева

Патроева Наталья Викторовна, доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка

E-mail: nvpatr@list.ru

Петрозаводский государственный университет
Петрозаводск, Россия

Статья поступила в редакцию 04.12.2024

Объектом исследования выступают экзистенциальная тема и гипнологические мотивы в русской философской романтической лирике в аспекте ее связи с сочинениями Ф. Шеллинга, немецкой натурфилософией и жанром антиутопии. Материалом анализа является стихотворение «поэта мысли» Е.А. Баратынского «Последняя смерть». Проводятся параллели с библейскими текстами, а также жанром «видения» и поэзией Дж.Г. Байрона (стихотворение «Тьма»). Результаты исследования заключаются в выявлении философского потенциала русской лирики в целом и поэзии Е.А. Баратынского в частности, а также во введении в литературоведческий тезаурус и генристику понятия поэтической антиутопии. Фантастическое полотно Е.А. Баратынского является мрачным пророчеством о будущем Земли. Причиной постепенной деградации цивилизации и вымирания человечества является забвение людьми сферы чувств, гипертрофия рационального начала, разрыв связи с природным миром. Глубоким психологизмом отличается зачин поэтической антиутопии, характеризующий пограничное состояние сознания. Гениальное пророчество в антиутопии Е.А. Баратынского предвосхищает открытия фантастов и философов XX века. Результаты работы могут быть интересны литературоведам, а также при изучении и преподавании курсов филологии и истории русской культуры.

Ключевые слова: русская философская лирика, антиутопия, русское шеллингианство, эсхатологические мотивы, романтизм, поэзия пушкинской эпохи

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-99-71-79

EDN: SXCAED

Введение. Создание «поэзии мысли», которая бы гармонично соединила в себе лирическое начало с «философическим», – задача, поставленная перед отечественной словесностью русскими шеллингианцами, в 1823 г. объединившимися в «Общество любомудрия». Членами этого известного кружка были В.Ф. Одоевский, Д.В. Веневитинов, И.В. Киреевский, Н.М. Рожалин, А.И. Кошелев. К «Обществу» примыкали также С.П. Шевырев, АС. Хомяков, Н.А. Мельгунов, В.П. Титов (о русском шеллингианстве см. работы З.А. Каменского [8], [9]; Т.И. Липич [11]; А. Носова [16]; В.И. Сахарова [17]; О.В. Филатовой [20]; P. V Rezvykh [28]; W. Setschkareff [31], [32]; а также ряд других изданий [21]; [29]; [30]). В философии Ф. Шеллинга «любомудры» искали ключ к осмыслению национального прошлого и определению путей будущего развития России.

С талантливymi писателями и критиками веневитинского кружка знакомится приехавший в январе 1826 г. в Москву Е.А. Баратынский. 1829–1833 гг. – пора наибольшего увлечения Е.А. Баратынского шеллингианством. Особенно теплые

отношения складываются у поэта с И.В. Киреевским, оставившим нам замечательные своей проницательностью и глубиной разборы произведений «поэта мысли» (однако в 1834 г. по не совсем ясным причинам Киреевский и Баратынский отделились друг от друга, прервалась их переписка).

В предлагаемой статье предпринята попытка выявить глубинный уровень проблемы «Лирика Баратынского и русское шеллингианство» на примере анализа одного из программных произведений «поэта мысли» – стихотворения «Последняя смерть», впервые опубликованного в альманахе А.А. Дельвига «Северные цветы на 1828 год».

История вопроса. Исследователи высказывают различные, порой и полярные, мнения о степени влияния шеллингианских идей на творчество Е.А. Баратынского. При этом равно не выдерживающими критики нам представляются как попытка свести чуть ли не все написанное Баратынским после 1821 г. к идеям Шеллинга (например, W. Setschkareff [32]), так и отрицание сколько-нибудь значительного влияния шеллингианской философии на Баратынского (см., например, Н.Р.

Мазепа [12]). В сохранившихся письмах Е.А. Баратынского находим множество примет внутреннего перелома в его взглядах и настроениях, происходившего не без участия молодого «любомудра». Так, в письме к А.С. Пушкину от января 1826 г. Е.А. Баратынский замечает, правда, не без иронии: «Надобно тебе сказать, что московская молодежь помешалась на трансцендентальной философии. Не знаю, хорошо ли это или худо; я не читал Канта и, признаюсь, не слишком понимаю новейших эстетиков... Не зная немецкого языка, я очень обрадовался случаю познакомиться с немецкой эстетикой. Нравится в ней собственная ее поэзия, но начала ее, мне кажется, можно опровергнуть философически» [3, с. 164-165]. Однако позже, в 1831 г., Баратынский уже призывает Ивана Киреевского «положить на бумагу все, что тот знает о Шеллинге и других отличных людях Германии. Загадывать их не нужно, ибо надо их знать, чтобы ценить их; а многие ли с ними знакомы, не только лично, но и по сочинениям» [3, с. 226-227]. «Нам очень нужна философия» [3, с. 164]. В другом письме И.В. Киреевскому, поддержав его идею о необходимости для России собственной философии, Е.А. Баратынский отмечает: «Всякий писатель мыслит, следовательно, всякий писатель, даже без собственного сознания, - философ. Пусть же в его творениях отразится собственная философия, а не чужая.., и я указываю на современную философию для современных произведений, как на магнитную стрелку, могущую служить путеводителем в наших литературных поисках» [3, с. 207]. Следует упомянуть и о том, что Е.А. Баратынский намеревался, как он сообщал об этом в письме к матери, посетить во время планируемого путешествия в Германию Мюнхен, «ставший теперь Германскими Афинами, ибо город этот - место пребывания Шеллинга, Гейне.., да и почти всех великих умов нашего времени» [3, с. 256].

Прославленный автор психологических эссе 1820-х гг., Е.А. Баратынский на новом этапе своего творчества, как заметил в одном из писем Н.А. Мельгунов, «возвел личную грусть до общего философского значения, сделался элегическим

поэтом современного человечества» [3, с. 431]. И действительно, грандиозное по силе своего художественного воздействия полотно, которое разворачивается перед читателем «Последней смерти», поражает глубиной и пронизательностью взгляда Баратынского-мыслителя.

Методы исследования. В процессе предпринятого в рамках данной работы анализа использовались герменевтический, интертекстуальный и сопоставительный методы, позволяющие интерпретировать содержание, композиционный замысел и жанровую природу произведения, а также выявить возможные реминисценции и аллюзии, связывающие стихотворение «Последняя смерть» с предшествующими и современными ему источниками.

Результаты исследования. Стихотворение, повествующее о «последней судьбе всего живого», является своего рода антиутопией, мрачным пророчеством-предостережением поэта-романтика, утратившего веру в прогресс цивилизации, в возможность установления всеобщей гармонии усилиями «просвещенного разума». Как отмечает Е.М. Неелов, «именно повествовательное начало лирического сюжета и является тем элементом художественной структуры стихотворения, через который научная фантастика проникает в поэзию» [14, с. 100]. Видимо, именно масштабность проблем, поставленных Баратынским в этом его творении, обусловила высказанное современными автору критиками и не получившими впоследствии никакого документального подтверждения мнение, согласно которому «Последняя смерть» является «отрывком из поэмы». Ссылаясь на высказанные в «Московском телеграфе» (1828, № 1, С. 125) и в «Московском вестнике» (1828, № 2, С. 192) мнения рецензентов, С.А. Шахвердов отмечает, что причиной такого восприятия «Последней смерти» «мог послужить не только ее объем, но и размер Я5, приобретший в это время (конец 20-х годов) связи с эпосом» [25, с. 312].

Произведение открывается описанием странного состояния, промежуточного «между уходом из жизни и возвратом к ней» [10, с. 103], между сознанием и бессознательным:

*Есть бытие; но именов каким
Его назвать? Ни сон оно, ни бденье;
Меж них оно, и в человеке им
С безумием граничит разуменье.
Он в полноте понятия своего,
А между тем как волны на него
Одни других мятежней, своенравней,*

*Видения бегут со всех сторон:
Как будто бы своей отчизны давней
Стихийному смятенью отдан он;
Но иногда, мечтой воспламененный,
Он видит свет, другим не откровенный.*

*Созданье ли болезненной мечты,
Иль дерзкого ума соображение,
Во глубине полночной темноты
Представшее очам моим виденье?
Не ведаю; но предо мной тогда
Раскрылися грядущие года;
События вставали, развивались,
Волнуясь подобно облакам
И полными эпохами являлись
От времени до времени очам,
И наконец я видел без покрова
Последнюю судьбу всего живого [2, с. 137-138].*

Замена местоимения «я» на «он», устранение на время первого лица, отчуждение от самого себя позволяет представить состояние лирического субъекта предельно обобщенно.

«Аналитический метод, созданный романтиками, - подчеркивает В.И. Хрулев, - выявлял психику в ее контрастах, необычных сочетаниях и внутренних переходах... Романтическая диалектика открыла тончайшие стороны духовного мира человека, проникла в область подсознательного и интуитивного» [23, с. 35]. Поэт – избранник, пророк, погруженный в глубины своего «я», путем озарения постигает то, что неподвластно разуму, зрению обычного человека. Творческое сознание, в концепции романтиков, свободно и может выполнять функцию опережающего отражения реальности. Однако поэт ограничен в возможности «перевода» своих прозрений на обычный язык, отсюда - романтическая ирония, подчеркивающая «невывразимость» истины и допускающая иные истолкования, номинации: *Есть бытие; но именем каким Его назвать?..* В этом – скрытая диалогичность, «полифонизм» (в терминах М.М. Бахтина) в монологе лирического «я» (диалог «внутри одного сознания» [7, с. 5-6]), пришедшие на смену декларативности

возводившихся в ранг абсолютной истины суждений поэтов-классицистов.

Воспоминание о древнем «хаосе» («отчизне давней»), из которого вышло все живое и неживое, рождающая прозрение стихия бессознательного в размышлениях Е.А. Баратынского – мотивы, возникшие, несомненно, под влиянием шеллингианских идей. «Родство стихии и человеческой жизни, – указывает И.М. Семенко, – источник натурфилософского оптимизма... Но Е.А. Баратынскому в “Последней смерти” его... “виденье” ...приносит неутешительные откровения» [18, с. 253].

За первыми двумя строфами, посвященными скрупулезному анализу «чудесного», неуловимого мгновения, «ускользающей точки соприкосновения двух миров» [10, с. 103], развертывается описание пророческого видения о будущем Земли. Начальная картина повествует о достижениях «просвещенного» разума, подчинившего себе природные стихии. Лирический субъект наблюдает жизнь будущих людей, находясь не внутри их мира, а как бы с высоты птичьего полета, что придает воссоздаваемой панораме масштабность, всеохватность при отсутствии излишней детализации:

*Сначала мир явил мне дивный сад:
Везде искусств, обилия приметы;
Близ веси весь и подле града град,
Везде дворцы, театры, водометы,
Везде народ, и хитрый свой закон
Стихии все признать заставил он.
Уж он морей мятежные пучины
На островах искусственных селил,*

*Уж рассекал небесные равнины
По прихоти им вымышленных крил;
Всё на земле движением дышало,
Всё на земле как будто ликовало.*

*Исчезнули бесплодные года,
Оратаи по воле призывали
Ветра, дожди, жары и холода;
И верною сторицей воздавали
Посевы им, и хищный зверь исчез
Во тьме лесов и в высоте небес
И в бездне вод сраженный человеком,
И царствовал повсюду светлый мир.
Вот, мыслил я, прельщенный дивным веком,
Вот разума великолепный пир!
Врагам его и в стыд и в поученье,
Вот до чего достигло просвещение! [2, с. 138]*

Победы человека над природой одержаны, однако, ценой нарушения естественных законов. Не случайно модальная частица «как будто» («ликовало») вносит в описание цветущего светлого мира ощущение смутной тревоги, некоего обмана зрения.

Если в первой части стихотворения преобладают абстрактные имена («бытие», «сон», «бденье», «безумие», «разуменье», «смятение», «мечта», «свет», «ум», «соображение», «глубина», «темнота», «судьба», «виденье»), раскрывающие суть удивительного состояния лирического субъекта, то в третьей и четвертой строфах преобладает лексико-конкретная, изобразительная, цель

которой - в деталях, с максимальной объективностью и убедительностью передать картину будущего, без искажения правды «откровения», не выдуманного рассказчиком, а нахлынувшего по воле таинственных сил, переданного извне сверхъестественным способом. Таков долг отмеченного свыше избранника, непосредственно постигающего истину, прозревающего грядущее.

Следующий период в истории цивилизации уже не прельщает, а смущает прорицателя, не оправдывая его надежд - достигнутое благо (победа над природой) вдруг оборачивается злом:

*Прошли века. Яснет очам моим
Видение другое начинало:
Что человек? что вновь открыто им?
Я гордо мнил, и что же мне предстало?
Наставшую эпоху я с трудом
Постигнуть мог смутившимся умом.
Глаза мои людей не узнавали;
Привыкшие к обилью дольных благ,
На всё они спокойные взирали,
Что суеты рождало в их отцах,
Что мысли их, что страсти их, бывало,
Влечением всесильным увлекало.*

*Желания земные позабыв,
Чуждаясь их грубого влечения,
Душевных снов, высоких снов призыв
Им заменил другие побужденья,
И в полное владение своё
Фантазия взяла их бытие,
И умственной природе уступила*

*Телесная природа между них:
Их в Эмпирей и в хаос уносила
Живая мысль на крыльях своих.
Но по земле с трудом они ступали
И браки их бесплодны пребывали [2, с. 139].*

Человечество, отъединившееся от природы, постепенно деградирует в результате глубокого и неизбежного разрыва между чувством и разумом, вследствие дисгармонии телесной и подавляющей ее умственной природы. Гипертрофия разума, «фантазии», наслаждение завоеванной свободой от материальных нужд, порождают пресыщение, равнодушие, бессилие чувств и желаний. По замечанию Ю. Манна, «вырождение человечества происходит вследствие слишком легкого пользования “благами”, отсутствия напряжения, тревог и борьбы, и ослабления жизненной силы» [13, с. 162].

Интересно, что в этой композиционной части, повествующей о победе «умственного начала», почти отсутствует лексика «вещная». Большой удельный вес слов, называющих отвлеченные субстанции, в этой и других частях стихотворения объясняется, видимо, тем, что Баратынского-

философа занимает не столько изображение в избыточных, случайных подробностях картин будущего мироустройства, сколько выявление, исследование причин, закономерностей, пружин исторического развития, истоков грядущей трагедии, поскольку будущее – ключ к пониманию настоящего. То, что в произведениях антиутопического жанра (в отличие от утопий), аналитическое начало берет верх над описательным, объясняется необходимостью критического рассмотрения, переоценки концепций и схем идеального мироустройства (см.: Т.А. Чернышева [24, с. 324-326]).

Заключительная композиционная часть являет читателю страшную картину вселенского масштаба: Земля без людей, конец человеческой истории и цивилизации, вселенское молчание природы, отомстившей возгордившемуся разуму:

*Прошли века, и тут моим очам
Открылась ужасная картина:
Ходила смерть по суше, по водам,
Свершалась живущего судьбина.
Где люди? где? скрывались в гробах!
Как древние столпы на рубежах
Последние семейства истлевали;
В развалинах стояли города,
По пажитям загложнувшим блуждали
Без пастырей безумные стада;
С людьми для них исчезло пропитанье:
Мне слышалось их гладное бляенье.*

*И тишина глубокая вослед
Торжественно повсюду воцарилась,
И в дикую порфиру древних лет
Державная природа облачилась.
Величествен и грустен был позор
Пустынных вод, лесов, долин и гор.
По-прежнему животворя природу,
На небосклон светило дня взошло;
Но на земле ничто его восходу
Произнести привета не могло:
Один туман над ней синевя вился
И жертвою очистительной дымился [2, с. 139-140].*

Стихотворение «Последняя смерть», на наш взгляд, может быть вписано в широкий

интертекстуальный спектр: начиная с Апокалипсиса Иоанна Богослова, «откровения» становятся

полноправным литературным жанром (анонимные средневековые «видения», некоторые апокрифы и духовные стихи, «Видение о Петре-Павле» У. Ленгленда, «Божественная комедия» Данте; в русской поэзии – «Видение Мурзы» Г.Р. Державина, «Сон» В.А. Жуковского, «Тень друга» К.Н. Батюшкова, «Море сна» В.К. Кюхельбекера, «Наполеон» М.Ю. Лермонтова, «Сон» С.П. Шевырева, «Видение» А.С. Хомякова, «Видение» и «Сон на море» (о поэтической гипнологии см., например, работы Д.А. Нечаенко [15]; Л.А. Ходанен [22]) Ф.И. Тютчева и др.).

Если в библейских пророчествах (Иезекииля, Иеремии, Иоилия) описывается приход тьмы на опустошенную Землю, то в финале «Последней смерти» «на небосклон светило дня взошло», Солнце и Луна не погашены, апокалиптическим символом является синий туман.

Еще одним вполне вероятным источником «Последней смерти» видится стихотворение Дж. Байрона «Тьма» («The Darkness»), написанное в Женеве в 1816 г., в т. н. «год без лета», когда из-за извержения индонезийского вулкана Тамбора даже в летние дни и в Европе стояли холод, а тьма покрывала небосвод круглосуточно. Стихотворение «Тьма» (или «Мрак») известно в русских журнальных переводах уже, по крайней мере, с 1822 г. (см., например, работы А. Воейкова [4]; М. Вронченко [5]; Ф. Глинки [6]; О. Сомова [19]). Описание чудесного состояния, дающего лирическому герою способность прорицать будущее, у Баратынского в «Последней смерти» (*Есть бытие... Ни сон оно, ни бденье...*) очень похоже на байронический зачин: *I had a dream, which was not all a dream* (буквально: «Мне приснился сон, который не совсем был сном»). Между тем концовка у Байрона, скорее, являет библейское пророчество воцарения вселенской тьмы перед Страшным Судом: *The waves were dead... The moon, their mistress, had expir'd before; The winds were wither'd in the stagnant air, And the clouds perish'd; Darkness ... was the Universe* (буквальный перевод: «Волны были мертвы... Луна, их хозяйка, умерла раньше; Ветры иссякли в застоявшемся воздухе, И облака исчезли; Тьма... была Вселенной»), - в отличие от финала «Последней смерти».

Мотив вечной, самоорганизующейся независимо от воли человека активной природы (природа, по Ф. Шеллингу, самодостаточна, «она есть ее собственный продукт – из себя самой организованное и само себя организующее целое» [26, с. 130]). Природа только кажется пассивной, но, если затронута ее суть, нарушены ее законы, она бурно

реагирует, активно мстит за отношение к себе только как к объекту использования. Природа есть одновременно субъект и объект, цель и средства) и дарованного избранным предвидения могли быть почерпнуты из натурфилософии Ф. Шеллинга, как и восходящая к «Новой науке» Дж. Вико идея сменяющих друг друга исторических циклов, каждый из которых заканчивается распадом прежней системы мира. Так и у Ф. Шеллинга: «... неизбежно приходит время, когда все это великолепие распадается, прекрасное тело существующего мира гибнет, словно от страшной болезни, и в конце концов снова возникает хаос... И так же момент, когда Земля вторично станет необитаемой и пустой, явится вновь моментом рождения высшего света духа, который от века был в мире, но оставался не понятным действующей для себя тьмой и пребывал в замкнутом органическом откровении... Начало исцеления - состояние ясновидения, даруемое божественным провидением отдельным людям...» [27, с. 125-126]. Однако Е.А. Баратынский, в отличие от Ф. Шеллинга, не дает в финале своей «космической фантазии» [1, с. 15], как и в самой заглавии «Последняя смерть» читателю надежды на обретение погибшим по собственной вине человечеством нового исторического круговорота. Возможно, антиутопическая и апокалиптическая традиция «Последней смерти» была продолжена в «Последнем катаклизме» (1829 г.) Ф.И. Тютчевым и – более века спустя – в стихотворении «Под одним небом» (1960 г.) С. Кирсанова.

Выводы. Итак, Е.А. Баратынский не разделяет оптимизма русских шеллингианцев, но решает важную для него проблему в соответствии с собственным мироощущением. Финал произведения - беспощадный последний приговор «разума великоллепному пиру». «Поэта мысли» волнуют «вечные» вопросы бытия: способен ли человеческий разум постигнуть суть вещей, законы природы и истории, безграничен ли его потенциал, возможно ли достижение гармонии общественного и индивидуального, макро- и микрокосма на рациональных началах? Е.А. Баратынский обнаруживает поистине философскую прозорливость в противопоставлении рационального как такового, с одной стороны, и природного, жизненного, чувственного, исторического – с другой, предвосхищая тем самым откровения позднейшей иррационалистической философии XX в.

Философское лирическое произведение Е.А. Баратынского по своей жанровой природе, несомненно, должно быть отнесено к антиутопиям,

обычно ассоциирующимся с эпическим родом и жанром романа. Автор «Последней смерти», споря в прогрессистскими концепциями эпохи Просвещения, развенчивает идеал рационального мироустройства, связанный, как это часто бывает в утопии, с гиперболизацией духовного

начала, с преувеличением создающей, исключительно положительной роли науки; используя элементы научной фантастики, изображает будущее крушение утопических ценностей и достижений.

1. Альми, И. Л. Идеино-творческие искания Е. А. Баратынского конца 20-х - первой половины 30-х гг. XIX века (анализ лирики) // Ученые записки Ленинградского гос. пед. института им. А. И. Герцена. – 1966. – Т. 308. Историко-литературный сборник. – С. 3-31.
2. Баратынский, Е. А. Полное собрание стихотворений. – Л.: Советский писатель, 1989. – 464 с.
3. Баратынский, Е. А. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. – М.: Правда, 1987. – 480 с.
4. Воейков, А. Тьма: (Из Лорда Байрона) // Новости литературы. – 1825. – Кн. 12, июнь. – С. 172-175.
5. Вронченко, М. Мрак: (Из Байрона) // Атений. – 1828. – Ч. 2. – № 6. – С. 150-152.
6. Глинка, Ф. Тьма: (Из Байрона) // Соревнователь просвещения и благотворения. – 1822. – Ч. 17. – № 2. – С. 159-164.
7. Гурвич, И. А. О развитии художественного мышления в русской литературе (конец XVIII – первая половина XIX в.). – Ташкент: ФАН, 1987. – 118 с.
8. Каменский, З. А. Московский кружок Любомудров / З. А. Каменский ; АН СССР, Институт философии. – М.: Наука, 1980. – 327 с.
9. Каменский, З. А. Русская философия начала XIX века и Шеллинг. / З. А. Каменский. М.: Наука, 1980. – 325 с.
10. Лебедев, Е. Тризна: Книга о Е. Боратынском. – М.: Современник, 1985. – 301 с.
11. Липич, Т. И. Русское романтическое шеллингианство первой половины XIX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – № 8. – С. 134–137.
12. Мазепа, Н. Р. Е. А. Баратынский. Эстетические и литературно-критические взгляды. – Киев: Изд-во Акад. наук УССР, 1960. – 92 с.
13. Манн, Ю. Необходимость Баратынского // Вопросы литературы. – 1994. – № 1. – С. 135–164.
14. Неёлов, Е. М. Мотивы научной фантастики в современной советской поэзии // Русская литература: сб. ст. – Вып. 6. – Алма-Ата, 1976. – С. 99-104.
15. Нечаенко, Д. А. Фольклорные, мифологические и библейские архетипы в литературных сновидениях XIX-начала XX вв. – М.: Университетская книга, 2012. – 727 с.
16. Носов, А. Философия и эстетика Любомудров // Вопросы литературы. – 1981. – № 9. – С. 247–256.
17. Сахаров, В. И. О бытовании шеллингианских идей в русской литературе // Контекст: 1977. – М.: Наука, 1978. – С. 210-226.
18. Семенко, И. М. Поэты пушкинской поры. – М.: Худ. лит., 1970. – 295 с.
19. Сомов, О. Мрак: (Из сочинений Лорда Байрона) // Благонамеренный. – 1822. – Ч. 17. – № 3. – С. 122-126.
20. Филатова, О. В. О русском шеллингианстве (проблема заимствования философской системы) // Идеи и идеалы. – 2010. – Т. 2. – № 4. – С. 33-38.
21. Философия Шеллинга в России / отв. ред. В. Ф. Пустарнаков. – СПб.: РХГИ, 1998. – 528 с.
22. Ходанен, Л. А. Мотивы и образы «сна» в поэзии русского романтизма // Русская словесность. – 1997. – № 2. – С. 2–8; № 3. – С. 47–51.
23. Хрулев, В. И. Романтизм как тип художественного мышления / В. И. Хрулев. – Уфа : Изд-во БГУ, 1985. – 80 с.
24. Чернышева, Т. А. Природа фантастики. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1984. – 331 с.
25. Шахвердов, С. А. Метрика и строфика Баратынского // Русское стихосложение XIX века. – М.: Наука, 1979. – С. 278–328.
26. Шеллинг, Ф. Первый набросок системы натурфилософии для лекций (1799 г.) // Философские науки. Научные доклады высшей школы. – 1973. – №1. – С. 128–133.
27. Шеллинг, Ф. В. Й. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах // Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения: в 2 т. / Пер. с нем. Т. 2. – М.: Мысль, 1989. – 636 с.
28. Rezvykh, P. V. Die Rezeption der Philosophie Schellings in Russland // Philosophisches Jahrbuch der Görres-Gesellschaft. – 2. Halbband. – Freiburg: Karl Aber Verlag, 2003. – S. 347–358.
29. Schellings Anfang in Russland / Sigrun Bielfeldt. – München: Sagner, 2008. – 459 с.
30. Schelling und Russland: Philosophie in überregionalen Netzwerken. // Academia Aktuell. Zeitschrift der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. – München, 2007. – № 1. – S. 22–24.
31. Setschkareff, W. Schellings Einfluss in der russischen Literatur der 20-er und der 30-er Jahre des XIX. Jahrhunderts. – Leipzig: Harrassowitz, 1939. – VI, 106 ss.
32. Setschkareff, W. Zur Philosophischen Lyrik Boratynskij // Zeitschrift für Slavische Philologie. – B. 19. – H. 2. – Leipzig, 1947. – S. 380–389.

**TO THE QUESTION OF RUSSIAN SCHELLINGIANISM:
POETIC DYSTOPIA BY E.A. BARATYNSKY**

© 2024 N.V. Patroeva

*Natal'ia V. Patroeva, Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of The Russian Language Department*

E-mail: nvpatr@list.ru

*Petrozavodsk State University
Petrozavodsk, Russia*

The object of the research is the existential theme and hypnological motifs in Russian philosophical romantic lyrics in the aspect of its connection with the works of F. Schelling and the genre of dystopia. The material of the analysis is the poem of the 'poet of thought' E. A. Baratynsky 'The Last Death'. Parallels are drawn with biblical texts, as well as the genre of 'vision' and the poetry of J. G. Byron (poem "Darkness"). The results of the study consist in identifying the philosophical potential of Russian lyrics in general and the poetry of E. A. Baratynsky in particular, as well as introducing the concept of poetic dystopia into the literary thesaurus and genistics. Baratynsky's fantastic canvas is a gloomy prophecy about the future of the Earth. The reason for the gradual degradation of civilization and the extinction of mankind is the oblivion of the sphere of feelings by people, the hypertrophy of the rational principle, the rupture of the connection with the natural world. Deep psychologism distinguishes the beginning of poetic dystopia, characterizing the borderline state of consciousness. The brilliant prophecy in Baratynsky's dystopia anticipates the discoveries of science fiction writers and philosophers of the twentieth century. The results of the work may be of interest to literary scholars, and can also be used in teaching courses on the philosophy and history of Russian culture.

Keywords: Russian philosophical lyrics, dystopia, Russian Schellingianism, eschatological motifs, romanticism, poetry of the Pushkin era

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-99-71-79

EDN: SXCAED

1. Al'mi, I. L. Ideyno–tvorcheskije iskanija E. A. Baratynskogo kontsa 20–kh – pervoy poloviny 30–kh gg. XIX veka (analiz liriki) (Ideological and creative searches of E. A. Baratynsky in the late 1920s – first half of the 1930s (analysis of lyrics)) // Uchenye zapiski Leningradskogo gos. ped. instituta im. A. I. Gertsena. – 1966. – T. 308. Istoriko–literaturnyy sbornik. – S. 3–31.
2. Baratynskiy, E. A. Polnoe sobranie stikhotvoreniy (Complete collection of poems). – L.: Sovetskiy pisatel', 1989. – 464 s.
3. Baratynskiy, E. A. Stikhotvoreniya. Pis'ma. Vospominaniya sovremennikov (Poems. Letters. Memories of contemporaries). – M.: Pravda, 1987. – 480 s.
4. Voeykov, A. T'ma: (Iz Lorda Bayrona) (Darkness: (From Lord Byron)) // Novosti literatury. – 1825. – Kn. 12, iyun'. – S. 172–175.
5. Vronchenko, M. Mrak: (Iz Bayrona) (Gloom: (From Byron)) // Ateney. – 1828. – Ch. 2. – № 6. – S. 150–152.
6. Glinka, F. T'ma: (Iz Bayrona) (Darkness: (From Byron)) // Sorevnovatel' prosveshcheniya i blagotvoreniya. – 1822. – Ch. 17. – № 2. – S. 159–164.
7. Gurvich, I. A. O razvitii khudozhestvennogo myshleniya v russkoy literature (konets XVIII – pervaya polovina XIX v.) (On the development of artistic thinking in Russian literature (late 18th – first half of the 19th century)). – Tashkent: FAN, 1987. – 118 s.
8. Kamenskiy, Z. A. Moskovskiy kruzhok lyubomudrov (Moscow circle of wisdom lovers) / Z. A. Kamenskiy ; AN SSSR, Institut filosofii. – M.: Nauka, 1980. – 327 s.
9. Kamenskiy, Z. A. Russkaya filosofiya nachala XIX veka i Shelling (Russian philosophy of the early 19th century and Schelling). / Z.A. Kamenskiy. M.: Nauka, 1980. – 325 s.
10. Lebedev, E. Trizna: Kniga o E. Boratynskom (Funeral feast: A book about E. Baratynsky). – M.: Sovremennik, 1985. – 301 s.
11. Lipich, T. I. Russkoe romanticheskoe shellingianstvo pervoy poloviny XIX v. (Russian romantic Schellingism of the first half of the 19th century) // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. – 2009. – № 8. – S. 134–137.
12. Mazepa, N. R. E. A. Baratynskiy. Esteticheskie i literaturno–kriticheskie vzglyady (E. A. Baratynsky. Aesthetic and literary-critical views.). – Kiev: Izd–vo Akad. nauk USSR, 1960. – 92 s.

13. Mann, Yu. Neobkhodimost' Baratynskogo (The necessity of Baratynsky) // *Voprosy literatury*. – 1994. – № 1. – S. 135–164.
14. Neelov, E. M. Motivy nauchnoy fantastiki v sovremennoy sovetskoj poezii (Motifs of science fiction in modern Soviet poetry) // *Russkaya literatura: sb. st. – Vyp. 6. – Alma-Ata, 1976. – S. 99–104.*
15. Nechaenko, D. A. Fol'klornye, mifologicheskie i bibleyskie arkhetyipy v literaturnykh snovideniyakh XIX–nachala XX vv. (Folklore, mythological and biblical archetypes in literary dreams of the 19th-early 20th centuries) – M.: Universitetskaya kniga, 2012. – 727 s.
16. Nosov, A. Filosofiya i estetika lyubomudrov (Philosophy and aesthetics of the philosophers) // *Voprosy literatury*. – 1981. – № 9. – S. 247–256.
17. Sakharov, V. I. O bytovanii shellingianskikh idey v russkoj literature (On the existence of Schellingian ideas in Russian literature) // *Kontekst: 1977. – M.: Nauka, 1978. – S. 210–226.*
18. Semenko, I. M. Poety pushkinskoj pory (Poets of the Pushkin era.). – M.: Khud. lit., 1970. – 295 s.
19. Somov O. Mrak: (Iz sochineniy Lorda Bayrona) (Gloom: (From the works of Lord Byron)) // *Blagonamerennyj*. – 1822. – Ch. 17. – № 3. – S. 122–126.
20. Filatova, O. V. O russkom shellingianstve (problema zaimstvovaniya filosofskoj sistemy) (On Russian Schellingism (the problem of borrowing a philosophical system)) // *Idei i idealy*. – 2010. – T. 2. – № 4. – S. 33–38.
21. Filosofiya Shellinga v Rossii (Schelling's philosophy in Russia) / *otv. red. V.F. Pustarnakov. – SPb.: RKhGI, 1998. – 528 s.*
22. Khodanen, L. A. Motivy i obrazy «sna» v poezii russkogo romantizma (Motives and images of "dream" in the poetry of Russian romanticism Romanticism as a type of artistic thinking) // *Russkaya slovesnost'*. – 1997. – № 2. – S. 2–8; № 3. – S. 47–51.
23. Khrulev, V. I. Romantizm kak tip khudozhestvennogo myshleniya (Romanticism as a type of artistic thinking) / V. I. Khrulev. – Ufa : Izd-vo BGU, 1985. – 80 s.
24. Chernysheva, T. A. Priroda fantastiki (The nature of fantasy.). – Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta, 1984. – 331 s.
25. Shakhverdov, S. A. Metrika i strofika Baratynskogo (Baratynsky's metrics and strophics) // *Russkoe stikhoslozhenie XIX veka. – M.: Nauka, 1979. – S. 278–328.*
26. Shelling, F. Pervyy nabrosok sistemy naturfilosofii dlya lektsiy (1799 g.) (First draft of a system of natural philosophy for lectures (1799)) // *Filosofskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly. – 1973. – № 1. – S. 128–133.*
27. Shelling, F. V. Y. Filosofskie issledovaniya o sushchnosti chelovecheskoj svobody i svyazannykh s nej predmetakh (Philosophical studies on the essence of human freedom and related subjects) // *Shelling F. V. Y. Sochineniya: v 2 t. / Per. s nem. T. 2. – M.: Mysl', 1989. – 636 s.*
28. Rezvykh, P. V. Die Rezeption der Philosophie Schellings in Russland (The reception of Schelling's philosophy in Russia) // *Philosophisches Jahrbuch der Görres-Gesellschaft. – 2. Halbband. – Freiburg: Karl Aber Verlag, 2003. – S. 347–358.*
29. Schellings Anfang in Russland (Schelling's beginnings in Russia) / Sigrun Bielfeldt. – München: Sagner, 2008. – 459 c.
30. Schelling und Russland: Philosophie in überregionalen Netzwerken (Schelling and Russia: Philosophy in supra-regional networks.). // *Academia Aktuell. Zeitschrift der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. – München, 2007. – № 1. – S. 22–24.*
31. Setschkareff, W. Schellings Einfluss in der russischen Literatur der 20-er und der 30-er Jahre des XIX. Jahrhunderts (Schelling's influence in Russian literature of the 1820s and 1830s). – Leipzig: Harrassowitz, 1939. – VI, 106 ss.
32. Setschkareff, W. Zur Philosophischen Lyrik Boratynskij (On Boratynskij's philosophical poetry) // *Zeitschrift für Slavische Philologie. – B. 19. – H. 2. – Leipzig, 1947. – S. 380–389.*